

Зинаида Лозинг

Зинаида Лозинг

Билет в детство

«Издательские решения»

Лозинг З.

Билет в детство / З. Лозинг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908756-0

Эта книга написана на основе реальных историй — воспоминаний автора о своем детстве, благодаря которым она мысленно вернулась и пережила заново то счастливое время. Честно рассказывая о своих детских радостях и переживаниях, автобиограф надеется, что произведение будет интересно прежде всего ее детям и внукам, а также многочисленным друзьям.

ISBN 978-5-44-908756-0

© Лозинг З.
© Издательские решения

Содержание

Обращение к детям и внукам	6
Глава 1. Моя семья	8
Глава 2. Воронцовск	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Билет в детство

Зинаида Лозинг

Посвящаю памяти мамы и отца

Корректор Мария Устюжанина

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Зинаида Лозинг, 2018

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-8756-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарю друзей и родных, горячо отозвавшихся на самую идею создания книги. Искренняя признательность сестре Екатерине Момотовой и моим друзьям: Эльвире Александровой, Тамаре Картавиной, Валентине Гавриловой – за поддержку, советы и живой интерес к этой книге.

Отдельная признательность моим друзьям одноклассникам: Валентине Шеслер и Сергею Лукину – за воспоминания из нашего детства.

Особая благодарность моему мужу, Вячеславу Лозингу, постоянному сочувствующему собеседнику и первому слушателю моих текстов.

Обращение к детям и внукам

Зачем я начала писать эту книгу?

Вопрос, который я задаю себе постоянно. Ответ, наверное, на поверхности: оставить после себя вам, дорогие мои дети, внуки и, надеюсь, правнуки, память, которую можно передавать из рук в руки. Возможно, вы захотите продолжить эту книгу своими воспоминаниями о своем детстве, о своих родителях, бабушках и дедушках, и у нас в роду появится собрание сочинений о детстве, юности, зрелости родственников, что и соединит нас всех во времени...

Очень хочется верить, что наши сыновья или внуки, возможно, уже совсем взрослые и седые, как-нибудь сядут у камина и прочтут эту книгу все вместе вслух, смеясь, а иногда грустя, вспомнят меня, отца, тетю, своих дедов... И сердца их согреются, потому что еще раз почувствуют, как их любили мама, отец, тетя...

Я и писать картины стала по той же причине: оставить детям после себя тепло своей души, любовь к ним и жизни...

Как я жалею, что ничего материального практически не осталось от наших мамы и отца. Помню некоторые мамины рассказы о себе, отце. Мама мечтала написать книгу об отце – с каким бы удовольствием сейчас я прочла бы эти истории!

В этом году мне исполнится 62 года! Хотя, наверное, еще рано подводить жизненные итоги, но все мы под богом ходим... Что я поняла вообще о жизни, прожив достаточно большой отрезок своего жизненного пути? Что бы я хотела сказать вам, дети мои?

Наверное, что жизнь – не прямая линия. Помню, в юности воспринимала ее какими-то этапами, которые проходишь по расписанию. Надо к определенному возрасту оканчивать институт, завести семью, сделать карьеру. Ох, как глупо! Человек вовсе не обязан жениться в 25 и стать начальником в 30, быть во всем и всегда первым, тратя на это все свои силы и энергию.

Как редко я брала тайм-аут! Как поздно начала разбираться с тем, что меня радует и вдохновляет! Я гнала и гнала лошадей, отдавая все силы работе – нашему Делу жизни... Чуть не разбилась, не ушла в депрессию, когда ее лишилась... Спасло искусство: занятия живописью, театром, вокалом, гитарой...

Как часто мы разрушаем жизнь, позволяя прошлому управлять ею. Некоторые вещи неизбежно случаются с нами. В жизни каждого бывают горе, смятение, дни, когда мы ощущаем себя бесполезными и ненужными, когда все рушится. Есть неприятные моменты, которые останутся с нами навсегда, например, грубые слова, которые ранят нас, но мы не можем позволить им определять нашу судьбу – это ПРОСТО моменты, ПРОСТО слова. Если позволить каждому плохому событию в жизни менять наш взгляд на самого себя, то мы уничтожим свою личность. Останется только личина, которая будет агрессивной, противной, брюзжащей... Если мы не сможем управлять своим прошлым (событиями, чувствами, словами), то всегда будем смотреть на будущее через призму сожалений, вновь и вновь переживая и подпитывая их злобой, разочарованием, недоверием.

Мы разрушаем свою жизнь, сравнивая себя с другими. Так просто и так сложно порой понять, что количество лайков в Интернете под нашими постами не уменьшает и не увеличивает нашу значимость. Количество денег на нашем счете не влияет на наше сострадание, наш интеллект или наше счастье и здоровье. Надо не зависеть от того, что нравится нашим друзьям. Это разрушает нас самих, создает иллюзию успеха.

Как важно уметь чувствовать! Мы разрушаем жизнь, не позволяя себе чувствовать. Все боимся говорить слишком возвышенно, чувствовать слишком глубоко, показывать людям, что они значат для нас. Говорите о своей любви к отцу и матери, не забывая говорить и делать

поступки, свидетельствующие о вашей любви к близкому человеку. Выражайте чувства – не позволяйте вашему сердцу зачерстветь!

Имейте цель в жизни большую и светлую, именно она вас будет вести по жизненному пути, придавая смысл, даря вам радость и счастье бытия.

И еще: мы «все родом из детства», поэтому потратьте силы, энергию, время на детство своих детей. И пусть их ребячество будет счастливым!

Приятного чтения, дети мои!

*С любовью ко всем своим детям, внукам, настоящим и будущим,
ваша мама и бабушка*

Глава 1. Моя семья

Я родилась 21 мая 1956 года на Урале, в Свердловской области, в золотопромышленном поселке рабочего типа Воронцовске. Мама, Фомина Валентина Михайловна, в замужестве Момотова, работала портнихой в швейной мастерской. Мама, имея четыре класса образования, была талантливой портнихой: она кроила изделия различной сложности практически без лекал, могла по увиденному на ком-то образцу сшить этот наряд нам с сестрами. У нас был шикарный гардероб: платья, сарафаны, блузы, юбки, комбинезоны, брючные костюмы, сшитые из недорогого материала. Мы с сестрами всегда были одеты красиво и по моде, что придавало нам уверенности в себе.

Отец, Момотов Иван Прокофьевич, работал мастером, затем начальником строительства поселка, окончив пять классов и ФЗО – школу фабрично-заводского обучения. В доме, особенно в поселке и деревне, много вещей было сделано руками отца: и табуреты, и столы, и скамейки, и полки, и шкафчики... И все дома, в которых мы жили, он сам строил или перестраивал.

Мама

Мама родилась 13 декабря 1924 года в поселке Ауэрбах Свердловской области. Там с конца XIX века добывалась железная руда. В 1933 году поселок Ауэрбах был переименован в поселок Рудничный, а с 1948 года рабочий поселок передали в административное обслуживание городского Совета города Краснотурьинска Свердловской области.

Родители мамы, мои бабушка Фомина Фекла Степановна и дедушка Фомин Михаил Фомич, держали свою пекарню до революции.

*Верхний ряд (слева направо): мама; мама с бабушкой
Феклой Степановной.*

Нижний ряд: мама с Андреем; мама с Татьяной.

О судьбе деда ничего неизвестно, а бабушка умерла в первый год после войны.

Во время войны мама, шестнадцатилетняя девочка, работала машинистом на паровозе «Кукушка», на котором перевозили руду и уголь. Работали по шестнадцать часов в сутки, поэтому она частенько засыпала прямо на ходу, а паровозик ее даже несколько раз переворачивался. Мужики, работники железной дороги, ставили паровозик на ноги, и он опять бежал выполнять свою работу. Как ее не посадили – ума не приложу! Удивительное было поколение: эти девчонки, мама в том числе, после работы еще бегали на танцы в соседний поселок за двенадцать километров. Кажется, в 1943 году по программе США «Ленд-лиз» (государственная программа, по которой США поставляли своим союзникам технику, медицинское оборудование и лекарства, различные товары и продовольствие) в поселок привезли нижнее белье – шелковые комбинации, которых никто в этой местности отродясь не видел, поэтому все решили, что прислали вечерние платья. Девчонки, которым достался подарок от союзников, надели на себя эти «вечерние платья» и такие красивые явились на танцы. Когда выяснилось, что их вечерние наряды это нижнее белье, они долго не могли поверить в это: как можно было прятать такую красоту под их простенькими ситцевыми платьями!

Жили, вспоминала мама, очень голодно, поэтому ее, совсем молоденькую девочку, уговорила мама, моя бабушка, выйти замуж за человека намного старше, чтобы не умереть с голоду – он заведовал продовольственным складом и, ухаживая за мамой, всегда приносил в дом чего-нибудь съестного. Нага мамочка вышла замуж не по любви, родила дочь Татьяну, а когда умерла ее мама, сбежала от нелюбимого и опостылевшего мужа с ребенком, оказавшись в поселке Воронцовск, где и встретила нашего папу.

Мама до конца своих дней очень любила нашего отца. Она рассказывала, как познакомилась с ним. После войны и службы на Дальнем Востоке отец вернулся к своей матери в поселок Воронцовск. Там, как и везде в послевоенное время, шло активное строительство жилья. Мама работала на стройке, жила в общежитии с маленькой дочкой. Надо сказать, что во всем общежитии только у мамы в комнате не было ни тараканов, ни клопов, кишавших в других помещениях, потому что она, растопив хозяйственное мыло, промазала все до одной щелочки в полу, стенах и потолке – чистоту наша мамочка блюсти умела. Этот факт часто нам рассказывал отец – видимо, отсутствие тараканов и клопов в комнате мамы его тогда сильно поразило и восхитило.

Итак, веселая бригада девчат в окно строящегося дома наблюдает, как на их объекте появился кучерявый, стройный, молодой бригадир. Девчата наперебой начали кокетничать с ним, а мама сказала, что этот парень будет ее мужем. Много было по этому поводу шуток, смеха, но так и вышло. Отец выбрал из всех девушек молодую, правда, старше себя на два года, женщину с ребенком. Бабушка (мама отца) была категорически против этого брака и до конца своих дней носила обиду на сноху. Мама родила еще четверых детей: сыновей Андрея и Михаила, дочерей Зинаиду (меня) и Екатерину.

Жили наши родители дружно, хотя бывало все, как и в других семьях. Но мама, сильно любя отца, умудрялась сохранять в семье уют и тепло, дружелюбную и веселую атмосферу. Отец часто вспоминал, как он с мамой, после тяжелой работы на сенокосе, сплавлялся по горной реке Какве на плоту, который соорудил собственными руками. Так я и вижу эту картинку: мама, красивая и молодая, в роскошном венке из полевых цветов, сидит на плоту с большим букетом и поет во весь голос, а отец, молодой и сильный, управляет своим «кораблем» и любит возлюбленную. Они оба счастливы...

Были и другие события. Однажды мама, не зная как вызволить отца из пивной, сказала ему, что к ним в гости приехали родственники, и ушла домой. Прошло немного времени, и домой заявился отец с рыбиной за поясом и еще каким-то провиантом, настроенный очень дружелюбно. Картина была, видимо, очень живописной, потому что мама сильно смеялась. Отец долго ничего не понимал, а когда выяснил что его разыграли, тоже смеялся вместе с мамой.

Вокруг мамы было всегда много людей – она была заводилой. На всех гуляньях она разыгрывала какие-нибудь представления, сама любила переодеваться, разыгрывать друзей. С ней было всем весело, она была душой любой компании.

А когда мы жили в Новосибирской области, в деревне Кундран, мама организовала театр «Посиделки», в состав которого входили обыкновенные колхозники. Представления давались в клубе и имели огромный успех. Я с другими детьми сидела в первых рядах и гордилась своей мамой. Мне казалось, что ни у кого больше нет такой талантливой и красивой мамочки, как у меня. Театр выезжал даже в другие деревни, в которых тоже имел оглушительный успех. Это было очень счастливое время. Мама работала в школе, преподавала «труды» для девочек – учила их шить, а я, к своему стыду, так и не научилась толком этому искусству. У нас часто бывали учителя и директор школы, живший по соседству – мама обшивала всю деревню. Когда она это успевала – просто загадка, потому что родители помимо своей работы имели большое хозяйство: корова, теленок, поросенок, овцы, гуси, куры, кролики... Отец держал еще и улей! Может быть, поэтому в деревне наша семья пользовалась уважением и большим авторитетом.

Наша мамочка была удивительной женщиной: талантливой, щедрой и веселой. Она всегда была занята делом: то стирала, то что-то пекла, варила, но в основном – шила. Портняжничала дома, после работы – надо было кормить, как говорила мама, «свою ораву». Она строчила на машинке и при этом всегда пела. Мы засыпали – она шила и тихо пела, мы просыпались – она готовила завтрак, топила печь и уже что-то напевала. С ней было очень тепло, уютно и спокойно. Ругаться мама не умела, быстро отходила и прощала все и всем. Часто мы всей семьей

стряпали пельмени, слушая рассказы мамы о своем и нашем детстве. Всегда много смеялись, хотя эти рассказы слышали по несколько раз.

Вот, например, один маленький эпизод из детства моих братьев, рассказанный мамой: «Первомайские праздники. Решила своих мальчишек нарядить в матросские костюмчики. Сшила им белоснежные брючки и курточки, воротнички обшила голубыми ленточками, смастерила бескозырки. Чудо-костюмчики получились. Нарядила своих красавцев – одному три года, второму – два. Вывела на улицу и вернулась на минуту домой. Выхожу – сидят мои морячки в луже и бескозырками поливают друг друга грязью!»

А вот еще одна история: мама увидела своих маленьких сыновей, везущих за веревочку большой красивый пластмассовый самосвал. На мамин вопрос «Откуда?», мальчишки начали ей рассказывать, что нашли его, что он никому не принадлежит. Мама, недолго думая, взяла хворостину и погнала их, ревуших на всю улицу, к дому, где братья «нашли» игрушку.

В 1968 году родители решили переехать в город – хотели дать хорошее образование детям. Ездили сначала в Новосибирск, а потом в Кемерово. Присматривались, подыскивали жилье. Помню, как мама привезла нам открытки с изображением городов Кемерово и Новосибирска, показывала их и рассказывала, что ей больше понравился город Кемерово. «Он маленький и уютный, какой-то домашний», – говорила она.

Верхний ряд (слева направо): молодые мама и отец; мама и папа на юбилейном вечере в честь 50-летия отца.

Нижний ряд: родители в кругу своих друзей, поселок Воронцовск. Мама с полосатым шарфиком, улыбающийся отец в центре, рядом с гармонистом; мама и папа в Кемерове.

Мне кажется, что этот «домашний» город раздавил маму. Она, привыкшая к вниманию людей, всегда всем необходимая, вдруг потерялась в нем. Быстро из-под ее влияния ушли сыновья, у них начались проблемы с учебой. Мальчишки попросту не были готовы к жизни в городе, они, особенно Михаил, всегда подававший надежды, перестали учиться, увлеклись девочками, компаниями. Их словно выпустили на свободу, и они очумели от счастья. Жизнь их катилась по наклонной плоскости со скоростью звука, но ребята этого не замечали и тех,

кто им на это указывал, они не слушали. Родители уже не управляли ими. Мама все это тяжело переживала.

Умерла мама очень неожиданно для нас, в один момент, – заснула и не проснулась. Это произошло 25 ноября 1979 года.

Отец

Родился 8 августа 1926 года в Донбассе, в деревне Зуевка Харцызского района Сталинской области, которую в 1961 году переименовали в Донецкую область.

Судьба отца непростая и даже драматичная. Родился он в семье зажиточного крестьянина, имеющего крепкое хозяйство и сыновей-тружеников. Таких работяг, по сути, сельскую элиту, имеющих ухоженное хозяйство, скот, ломающих спину с раннего утра и до позднего вечера, после революции окрестили кулаками и начали с ними бороться, а попросту – истреблять как «класс». Во время коллективизации семью отца, как и тысячи других, «раскулачили» и отправили на Урал. Отец был совсем маленьким, но помнил, как их погрузили в товарняк (вагон, приспособленный для перевозки скота и разного груза), и как шел по перрону его старший столетний дед, по щекам и бороде которого бежали слезы.

Выгрузили людей в уральской тайге. Была лютая зима. Люди стали строить землянки из снега, чтобы укрыться от холода, а потом срубили бараки – временные дома с одной длинной комнатой, где семьи жили через перегородку, в качестве которой могла служить простая простынь. В этих «временных» домах люди прожили несколько лет. Не выдерживая испытаний голодом и холодом, многие люди гибли. Умерли мой дед, Момотов Прокофий Андреевич, и дядя Андрей, старший брат моего отца. Бабушка, Момотова Феодосия Яковлевна, осталась с дочерью и маленьким сыном, моим отцом – ему было около трех лет. Вскоре тяжело заболела и сама бабушка. Пришла комиссия, чтобы забрать детей у больной бабушки, считая, что она скоро умрет. Сестру отца Мотю спрятали соседи, а моего отца забрали в детский дом. Оттуда в четырехлетнем возрасте он зимой пытался бежать и чуть не замерз в тайге. Нашли спящего ребенка под елью в тайге по следам на снегу. Так и рос он в детском доме до войны. Было в его биографии все: и воровал, и пакостил, и находился в какой-то дурной компании. В семнадцать лет, приписав себе два года, сбежал на фронт с другом. На призывном пункте, уже перед отправкой, от какого-то мужчины узнал, что у него совсем рядом от детского дома живет мать с сестрой. После такого потрясения он и ушел на фронт. Служил в 763-м стрелковом полку сначала стрелком, затем пулеметчиком, где был ранен, а потом их полк перевели на Дальний Восток, где отец служил в качестве наводчика станкового пулемета. Мать разыскивать не стал, письма ей не писал. Считал, что на войне все бывает – зачем ей хоронить его дважды. Уже в 1947 году отец вернулся домой к своей матери, где и встретил нашу маму – свою судьбу.

Всю свою жизнь отец много работал. Перевозя семью с одного места на другое, он строил на новом месте дом, в котором обязательно была русская печь, или перестраивал существующие строения. На Урале его руками был возведен хороший, добротный дом со всеми дворовыми постройками. На Кубани отец не успел видоизменить домик, но зато перекрыл крышу, заменил земляной пол на деревянный, построил летнюю кухню, провел во всем хуторе электричество.

Верхний ряд (слева направо): отец с бабушкой Феодосьей Яковлевной; отец с другом на природе.

Нижний ряд: отец со своей бригадой, поселок Воронцовск; отец – портрет с Доски почета, г. Кемерово.

В Новосибирской области, в селе Кундран, в березовой роще он снова построил хороший дом с русской печкой. В Кемерове мы вновь очень быстро стали жить в новом домище, который, к сожалению, попал под снос. Последнее жилье отец построил за городом, в поселке Пинигино. Это дача, участок для которой на работе получила моя сестренка Катюша. Дачка принесла нам как много радости, так и много огорчения: кто-то сжег ее зимой 2001 года, не дав нам вдоволь насладиться дачной жизнью.

Папа любил Пинигино и мог там жить почти круглый год, работая на огороде, строя все новые и новые постройки, улучшая наш быт. Когда отцу было больше семидесяти лет, он достаточно легко поднимался по лестнице на крышу двухэтажной дачи и, сидя на ней, чистил трубу.

Отец обладал удивительным чувством юмора. Славик, наш младший сын, живя с ним одно лето, даже записывал его приколы. К сожалению, эти записи не сохранились. Но мы, собираясь вместе, с удовольствием вспоминаем его словечки и приколы. Часто на даче кто-нибудь не закрывал за собой калитку – отец ворчал: «Закрывайте калитку, едрить твою масло, – сквозит!»

Папа на даче вел «хозяйственный дневник»: кто и когда к нему приезжал, что делали он и другие, как вела себя живность (куры и кролики) и т. д. Мы, приезжая к нему за город, любили читать его дневник. Отец, зная, что его журнал пользуется популярностью, записывал туда обязательно какие-нибудь приколы, вызывая восторг у читателей.

Как-то летом отец решил строить баню. На земле отмерил периметр, по которому нужно было выкопать траншею для заливки фундамента. Почетную работу поручил внукам, Денису и Славику. Мальчишки трудились, вкалывая в поте лица. Все взрослые ходили вокруг ребят и нахваливали работяг, не давая угаснуть их энтузиазму. Работа близилась к завершению, когда мы заметили, что отец как-то смущенно начал улыбаться и хмыкать. А потом появился сосед: «О! Прокопич, а зачем для бани-то фундамент?! Можно ведь и так!» Тут отец и раскололся: «Забыл, едрить твою масло! Можно, конечно, и на сваях по углам!»

Верхнее фото: я с отцом: отец после инсульта на даче у Катюши.

Нижний ряд: папа на своей любимой даче.

Сколько мальчишками было сказано по этому поводу, как долго они возмущались, что выполняли бесполезную работу, напоминавшую платоновский котлован. «Зато на всю жизнь запомните, как можно бани строить!» – начал оправдываться отец и искать резон в их работе с таким выражением лица, что все начали просто валиться от хохота – устроил дед внукам трудовое воспитание. Мы долго со смехом вспоминали эту историю.

Отец тяжело заболел в конце апреля 2001 года – инсульт. В течение двух с небольшим недель мы по очереди дежурили около него в больнице, не оставляя ни на одну минуту одного. Врачи, оказывается, были убеждены, что он больше трех дней не проживет, поэтому мы и получили отдельную платную палату, которую через три дня готовили к ремонту. Но мы его выходили. Уже 3 мая Катюша забрала отца в свою больницу, где его любили и врачи, и медсестры, и нянечки. За те две недели дежурства у меня появилась какая-то нежность к отцу, я даже стала воспринимать его не как отца, а как маленького беспомощного ребенка. Потом инсульт еще раз повторился, и мы снова его выходили. Сестренка забрала его в свою квартиру, где он прожил до конца своих дней и умер у нее на руках 6 августа 2012 года. Отец пережил маму на 33 года...

Бабушка

Ее я помню хорошо. Она казалась мне очень высокой, строгой и какой-то таинственной. Как-то я, еще совсем маленькой девочкой, увидела репродукцию картины «Боярыня Морозова» и, интуитивно ощутив внутреннюю силу духа этой женщины, почему-то связала ее образ со своей бабушкой, Феодосьей Яковлевной. К сожалению, я практически не знаю о ней ничего – только какие-то обрывки воспоминаний. Отец тоже ничего рассказать о ней не мог – просто не знал. Времена были страшные: родители, опасаясь за жизнь своих детей и внуков, боясь навредить им, старались скрывать свое прошлое, прошлое своих отцов и дедов.

Много лет спустя после смерти мужа (моего деда, Прокофия Андреевича) бабушка вышла замуж за Пушкарева – имени его не помню. Мама и отец с теплотой отзывались о нем.

Говорили, что это был удивительно добрый человек, любил всех нас, помогал во всем, защищал маму перед бабушкой. А меня часто нянчил и называл Ниной. Может быть, поэтому я очень долго не могла привыкнуть к своему родному имени Зинаида?

Бабушка жила недалеко от нашего дома, на параллельной улице. Часто она забирала нас (детей) к себе ночевать. Я любила утром просыпаться у нее в постели и слушать, как бабуля копошится на кухне. Очень любила ее хрустящие розенцы, которые она стряпала на праздники.

Когда наша семья переехала на Кубань, с нами переехала и бабушка. Она сильно изменилась: грустно смотрела на всех нас, очень много ворчала, ссорилась постоянно с мамой, которой было тоже несладко. Потом пришло известие от сестры отца Моти о трагической кончине ее шестнадцатилетнего сына, попавшего в толкучке под колеса автобуса. Вскоре приехал за бабушкой ее зять, муж Моти. Сборы были быстрыми. Мы проводили их до конца околицы, вернулись домой и почувствовали свободу. Больше я бабушку не видела. Знаю лишь то, что она умерла в 72 года. Отца на похороны не вызывали, а только сообщили о смерти.

Сестра Татьяна

Татьяна родилась 7 августа 1944 года в Ауэрбахе.

Старшая сестра по-своему уникальный человек. Маленького роста, аккуратно сложенная, одетая по последней моде, всегда в приподнятом настроении. Девушка привлекала к себе много поклонников. Бог ее не обделил и талантом: она неплохо играла на гитаре и пела.

Старшая сестра Татьяна с дочерью Ириной, г. Кемерово

По вечерам, когда еще только начинали спускаться сумерки, Татьяна брала гитару, садилась у открытого окна, смотрящего на центральную улицу, и пела. А потом она убегала на танцы и возвращалась очень поздно, рассказывая нам о своих приключениях, об объяснениях ей в любви. В ее рассказах все было как в кино: удивительно галантные кавалеры, возвышенные слова и чувства, всегда много цветов. Это потом я стала понимать, что сестра просто увлекалась своей фантазией и уже сама не знала, где правда, а где вымысел.

Татьяна, будучи старшей в семье, оставалась с детьми, когда родители уходили на покос или просто в тайгу за ягодой или грибами. Смотрела она за нами, судя по всему, плохо, потому что в отсутствие родителей в доме обязательно происходили какие-нибудь происшествия.

Много горя и неприятностей пришлось пережить маме из-за старшей сестры. Сестра вышла, а точнее, убежала из дома замуж. Судьба у Татьяны не сложилась, хотя она, видимо, так не считает.

Брат Андрей

Родился 16 марта 1952 года. Умер 4 мая 1992 года.

Брат прожил очень короткую жизнь. Каким он был? Мне кажется, мы его толком-то и не знали. Был добрым – готов был всегда помочь и руками, и отдать последнюю рубашку; любил поесть – когда мама пекла блины, заводя на семью целое ведро теста, Андрей первым стоял у плиты, и мама, готовя блины на четырех сковородках, сначала старалась накормить его; читал мало, страстно любил мультфильмы – бежал к телевизору будучи уже отцом двоих детей, когда показывали любые мультфильмы; заботился о семье – на него можно было положиться в любом деле; полюбил девушку и женился на ней, создав семью, в которой, как мне кажется, не был счастлив... Андрей дружил больше с младшей сестренкой, а Михаил больше дружил со мной – как-то так вышло.

Катя вспоминает, как Андрей пришел из армии в 1972 году. Я читала Катюше вслух «Всадника без головы» Майна Рида, как раз на том месте, где мистер Стумп предъявляет доказательства суду и говорит о настоящем убийце, но не называет пока его имени:

«— ... человек, о котором я говорю, спрятался в чаще и оттуда пустил пулю, от которой погиб молодой Пойндекстер.

— Какой человек? Кто он? Назовите его имя! Его имя! – раздалось в толпе».

Я, видимо, увлекшись, вошла в роль. Напряжение у нас с сестренкой было на пике, поэтому, когда после произнесенных мной слов: «Кто он? Его имя!» мы услышали крик мамы: «Андрей! Андрей!», мы чуть с сестрой с ума не сошли... А мама кричала Андрей, увидев его в окне – брат вернулся из армии и шел к калитке весь при параде, как и полагается дембелю.

Конечно, я помню, что именно Андрей спас жизнь мне и Михаилу, когда мы тонули – мой рассказ об этом еще впереди. Я также поведаю о его артистическом даровании: он любил участвовать в различных театральных представлениях.

Был мастеровой. Умел, как и отец, много чего делать руками, владея навыками плотника и столяра. Правда, мог и лениться. Когда мы работали всей семьей на огороде, убирая картофель, он всегда фантазировал, как бы изобрести такую машину, чтобы она сама все убирала и в мешки складывала.

Можно вспомнить еще многое, но для меня он остался все-таки до конца непонятым: мы жили с ним в параллельных мирах, редко пересекаясь. Катя, наверное, больше его знала, потому что она и общалась с ним больше, особенно в последние годы его жизни.

Верхний ряд: старший брат Андрей.

*Нижний ряд: Михаил рядом с отцом и крестным отцом
Сорочинским Николаем.*

Брат Михаил

Родился 19 ноября 1953 года.

А вот Михаила я знаю хорошо! В детстве, особенно раннем, он подавал большие надежды. О нем говорили, что быть ему как минимум министром. Он рано начал читать, был записан в поселковую библиотеку в пять лет, и там к нему относились с уважением, разрешая самому выбирать книги. Учителя начальной школы доверяли ему вести уроки, оставляя брата вместо себя, если была необходимость отлучиться. Михаил хорошо знал русский язык, легко сочинял стихи.

Но в городе поведение и устремления Михаила сильно изменились – не смог противостоять соблазнам. Появилась компания, девочки... Стал тратить свои усилия и время на пустые развлечения, любил переодеваться, разыгрывая девиц, представая перед ними в разных образах, – все верили, что у него есть брат-близнец... Он любил дурачиться, разыгрывать друзей, которых у него всегда было много. Некоторые из них ухаживали за мной.

У брата рано появился ребенок, что не позволило ему окончить мореходное училище на Сахалине, о котором он мечтал. Его списали на берег, узнав, что у курсанта должен родиться внебрачный ребенок, – в СССР блюли нравственность народа, поэтому отправили его решать семейные проблемы и списали с корабля, который уже стоял на рейде, чтобы отплыть в заграничный поход. Сынишке Михаил дал свою фамилию и имя старшего брата, но с девушкой жить не стал, а в мореходку уже не вернулся – ушел в майский призыв 1972 в армию. Служил год, опять же на Сахалине, в пограничных войсках на заставе Золоторыбной, но и там сумел отличиться: высказался нелюбезно о Ленине и руководящей партии. Особый отдел заинтересовался словоохотливым солдатиком и с характеристикой «отличник боевой подготовки, но политически неблагонадежен» он был отправлен дослуживать в стройбат в Уссурийск, в часть 02007. Номер части давал Михаилу возможность дурить голову легковерным девушкам: 02 – принадлежность к милиции, а 007 – к разведке. Представлялся девчонкам чуть ли не в качестве Джеймса Бонда.

После армии выучился на шофера и развозил хлебную продукцию Хлебокомбината, находящегося недалеко от нашего дома, по магазинам. Умудрялся кормить свежайшими майскими булочками всех своих дружков.

Брат работал в разных местах, испробовав много специальностей, но нигде не прижился. Потом влюбился в нашу с мужем соседку Галину, женился. Мы радовались тому, что он, возможно, наладит свою жизнь, но, родив двух детей – девочку Катюшку (назвал в честь сестренки) и мальчика Ивана (назвал в честь отца), он ушел из семьи. Хотя он говорит, что любил и до сих пор любит жену. Потом с ним произошло несчастье, в результате которого брат стал инвалидом, и если бы не младшая сестра, то как бы он сейчас жил – просто ума не приложу!..

Нас с Катей он любил. Всегда привозил подарки, готов был за нас и жизнь, если понадобится, отдать. Помню, как в 70-х годах он привез мне редкий сборник стихов Сергея Есенина. Как же я была счастлива – зачитала этот сборник до дыр.

Сегодня это не тот Михаил, который был в юности... Жаль, что свою жизнь он так бездарно растратил.

Младшая сестренка Катюша

Родилась 16 января 1959 года.

С сестренкой мы очень близки. Она для меня очень дорогой человек, без которого я не представляю своего существования. Катюша знает обо мне практически все, она для меня и советчик, и опора. Мне с ней легко – не нужно в своих откровениях быть осторожной; она всегда меня возвращает к жизни, если на меня нападает депрессия, не старается меня судить, искренне ценит все то, чем я занимаюсь, поддерживая меня во всех моих чудачествах; с ней я могу и поплакать, и посмеяться; она меня лечит и в прямом, и в переносном смысле.

А ведь Катюха могла и не появиться на свет! Да, мама хотела сделать аборт – пятый ребенок в семье! Отец, придя на обед, случайно обнаружил на столе под клеенкой мамино направление в больницу и запретил ей делать аборт.

Младшая сестренка Катя. В верхнем ряду —
в темном платье

Он как будто знал, что именно этот ребенок возьмет на себя все его тяготы и заботу о нем в старости. Вот уж поистине, добро возвращается добром!

Вся наша семья не представляет, как бы мы жили без нашей Катюши! У нее на всех хватает сил, внимания, заботы, любви.

Катюша всегда была лидером. Ее любили и в школе, и в училище, и на работе, где она проработала всю свою жизнь. На одном месте больше сорока лет! Часто бывая в ее больнице, где она работает старшей медицинской сестрой, я всегда наблюдаю, с каким уважением к ней относятся все: и начальники, и врачи, и медсестры, и нянечки. Сестра моя имеет свое мнение и умеет его отстаивать, хотя и на компромисс может пойти, если надо. В своем деле она профессионал высшего класса. Как мы с мужем ее ни уговаривали, но в вуз она не стала поступать. А могла бы стать главным врачом, да еще каким!..

В молодости она выигрывала различные профессиональные конкурсы на звание «Лучшая медицинская сестра», демонстрируя не только профессиональные знания и навыки, но и артистические данные, которые у всех нас, видимо, от мамы.

Переехав из Кемерова сначала в Москву, а затем в Питер, я не потеряла с ней связь, наоборот, мы стали еще ближе. Сестренка прилетает к нам два, а то и три раза в год, а перезваниваемся с ней мы почти каждый день. Вот сейчас, когда пишу эти строки, мы вместе встретили новый 2018 год.

Глава 2. Воронцовск

Мы жили в центре поселка, по улице 8 Марта, дом №10. Рядом с поселком была тайга, горная речка Каква, заброшенные карьеры, которые весной заполнялись водой. Поселок был достаточно большой. Люди в нем жили, как мне кажется, в достатке. Улицы были прямыми и ухоженными, хотя они и располагались на холмистой местности. У каждого дома были тесовые ворота, наверху которых были маленькие крыши – коньки. Рядом с нашим домом был магазин, в котором мы покупали все основные товары. На параллельной улице стояла водоканчка, откуда мы возили на санках воду зимой. А недалеко от нее был холм, на котором располагалась трансформаторная будка и на котором Андрей (старший брат) пас домашних гусей.

Отчий дом состоял из большой гостиной, окна которой выходили на центральную улицу, детской комнаты, кухни с русской печкой и прихожей с печкой-голландкой. Родители спали в гостиной, в которой стояли большой стол, стулья, этажерка с книгами, шифоньер, тумбочка с радиолой и кровать с железной сеткой.

Около кровати висел репродуктор – черная тарелка, по которому каждое воскресенье передавали всеми любимую радиопередачу «Доброе утро». Мы с Катюхой любили залазить по воскресеньям в теплую постель родителей, прыгать на ней и кувыраться, слушая радио. Солнце заполняло всю комнату. Было очень тепло и уютно, нас переполняло чувство любви к дому, к родителям и ко всему миру. У нас было счастливое детство!

Двор был устлан деревянным полом, в углу двора был колодец, за сараем стояла баня, а перед окнами гостиной был разбит палисадник с благоухающими многоцветными георгинами. Огород делился на две части: небольшой, где выращивали все самые необходимые овощи, и большой, где сажали картофель. В маленькой части огорода стоял большой чан, служивший нам, ребятишкам, отличным водоемом летом.

Родители держали корову, теленка, поросенка, кур и гусей...

Верхний ряд (слева направо): отец, мама, бабушка, Татьяна, дед Пуикарев и Михаил с Андреем. Нижний ряд

(первое фото): бабушка, Татьяна, отец, мама с Катюшкой

на руках, Андрей, я, Михаил. Нижний ряд (второе фото): бабушка, тетя Оня (старшая сестра мамы), рядом с отцом семейная пара Дягилевых – друзей родителей, мама в белом шарфике поверх каракулевой шапочки, Таня – дочь тети Они, старшая сестра Татьяна, Михаил, Андрей.

21 мая 1956 года

Родила меня мама на полу поселковой больницы около десяти часов утра. Говорила, что я весила почти пять килограммов, чему я верю, потому что сама родила двух крупных детей: четыре сто – старший сын и четыре шестьсот – младшенький. А родила она меня на полу, потому что ей какая-то бабушка сказала, что так рождаются более здоровые и счастливые дети. Врач Димбицкий, наш сосед и друг родителей, очень маму за это ругал, но дело было сделано...

1957 год

Не знаю, когда это было, но есть почему-то четкие воспоминания: я сижу на кровати родителей в гостиной, которая была одновременно и родительской спальней, вокруг много подушек. Потом вижу детей, вбежавших в комнату и кричащих: «Смотрите! Она стоит!»

Самой с трудом верится, что я помню это событие, но память упорно подсказывает: «Так и было!»

1960 год

Мне четыре года. Праздник Пасхи. Мама печет пироги, красит яйца. Аромат пирогов разлит по всему дому и двору. В гости пришли бабушка и дедушка. Дед меня ласкает, целует, берет на руки. Лица его не помню, а его руки и тепло помню хорошо. Руки деда были всегда очень добрыми, напоминали прохладный бархат, от них исходило такое сухое тепло, что из его уютных рук не хотелось вылезать.

Бабушка принесла вкусную хрустящую выпечку, которую делали из сладкого теста, погружая в кипящее масло.

Погода на улице чудесная: яркое солнце, голубое небо, тепло. Мы во дворе качаемся на качелях, которые с любовью смастерил для нас отец, и хрустим бабушкиными гостинцами.

Отец вернулся с курорта и привез мне удивительно красивую куклу: голубые глаза с большими ресницами приветливо хлопали; длинные вьющиеся волосы можно было расчесывать, заплетать; шелковое светло-голубое платье с большим синим бантом из атласа на спине блестело и переливалось на солнце; синие аккуратные туфельки легко снимались с ее ножек. Кукла просто меня завораживала! Я была безмерно счастлива! Захватив только что подаренную мне куклу, побежала на улицу, усадила свою красавицу на лавочку и вернулась на минуту за чем-то в дом. Вышла на улицу через несколько коротких минут и обнаружила пустую скамейку – куклы на месте уже не было!.. Это было мое первое большое горе! Я долго бродила около скамейки и все искала куклу. Отец пришел за мной на улицу и безутешно рыдающую унес домой. Меня никто не ругал – все сочувствовали.

Бабушка повела меня в кино на фильм про войну. Фильма не помню, но помню, перед началом сеанса показывали мультфильм о кукурузе – ее усиленно внедрял Никита Сергеевич по всей стране. Мне так понравились сорняки, которые мешали расти кукурузе! Они шли по полю с песней, весело играя на гитаре. Нашла этот мультфильм в Интернете. Он называется «Чудесница» – такая классная агитация, работающая на идею Хрущева, которая провалилась – не прижилась кукуруза во многих регионах страны.

1961 год

Родители купили настоящую радиолу – до этого у нас висела черная тарелка! Это было большим событием. Пришли соседи, друзья родителей, они рассматривали радиолу, слушали пластинки, которые купил отец. Пластинок, на которых звучали песни из кинофильма «Солдат Иван Бровкин», было две. Особенно мне нравилась песня «Если б гармошка умела»:

Не для тебя ли в садах наших вишни
Рано так начали зреть?
Рано веселые звездочки вышли,
Чтоб на тебя посмотреть.

Припев:
Если б гармошка умела
Все говорить, не тая!
Русая девушка в кофточке белой,
Где ты, ромашка моя?

И песня «Шла с учений третья рота»:

Шла с учений третья рота
У деревни на виду.
Мимо сада-огорода,
Мимо девушек в саду.

Прекратила рота пенье,
Глаз не может оторвать.
Будто был приказ – равнение
Всем на девушек держать.

Тут одна в платочке синем
Говорит: «Чем пыль толочь
На дороге, рты разиня,
Шли бы девушкам помочь».

Старшина был очень краток,
Выполнять приказ изволь —
Прополоть полсотни грядок
К восемнадцати ноль-ноль!

Этот случай не забылся,
А причина тут одна:
Через месяц вдруг женился
Наш товарищ старшина!

Еще важной покупкой в эту весну была стиральная машина – первая во всем поселке! Машинка называлась «Белка», стирала и имела ручной отжим. Полоскать белье нужно было отдельно вручную, но то, что она сама стирала было просто чудом и большим подспорьем для нашей многодетной семьи. Мама была вынуждена выставить машинку во двор, потому что люди шли и шли смотреть, как она работает, хорошо ли стирает, дорого ли стоит... Мама всем проводила «экскурсию», а потом сокрушалась: столько времени на показ машинки уходит! Люди просто приходили и стояли во дворе, наблюдая, как мама стирает. Правда, недели через две поток спал, а потом в поселке стали появляться стиральные машины, и мама выдохнула с облегчением.

Наша мама не только прекрасно шила, но и вышивала. В доме было столько разных салфеточек, накидочек, скатертей и даже ковриков, вышитых мамиными руками! Помню, над моей кроватью висел коврик с изображением болота, около которого стояли две гордые цапли. На стене у кровати родителей висел купленный ковер, на котором красовались гордые олени. Словом, несмотря на достаточно бедную и простую обстановку, мама создала в доме уют и красоту.

Мне скоро исполнится пять лет. Я прихожу к маме на работу, в швейную мастерскую, которая находится рядом с детским садиком. Женщины слушают радио и плачут – ничего не понимаю. Мама подхватывает меня на руки и кричит: «Юрий Гагарин в космосе! Мы в космосе!» Все весело, но со слезами на глазах смеются.

Вечером у нас в гостях соседи, все внимательно слушают радио. Выступает Хрущев Н. С., в доме царит торжественная тишина. Трансляция прерывается, начинается бурное обсуждение услышанного: все друг друга уверяют, что Никита Сергеевич «хватанул лишнего». О чем это они?

Верхний ряд (слева направо): я на фоне своего детского сада (место то же, а здание другое – мой садик был деревянный). Мне 5 лет.

Нижний ряд: первое фото – моя группа, мне 6 лет, я во втором ряду третья слева; второе фото – моя выпускная группа, мне 7 лет, я в последнем ряду самая высокая девочка с белым бантиком на фоне белого халата медицинской сестры.

Еще одно воспоминание этого возраста. Воспитатели детского сада повели нас через железную дорогу на лесную поляну собирать землянику и загорать. После того как мы насобирали ягоды, нас уложили на мягкую траву, в которой стрекотали кузнечики и летали большие красивые стрекозы с разноцветными бабочками. По команде воспитательницы мы переворачивались с живота на спину и наоборот. Мне нравилось лежать на животе, наблюдая за стрекозами и бабочками, а на спине я щурилась от яркого солнышка, поэтому даже голубое небо толком не радовало. Хотя хорошо помню какое-то удивительное настроение и ощущение счастья, переполнявшее меня.

А потом в детском саду нашу ягоду помыли и дали нам ее в мисках с молоком. Ели мы не в группе, а на открытой веранде, что тоже было очень необычно. Запах лесной земляники помню до сих пор, а еще храню в памяти и тот солнечный день, наполненный счастьем.

Дома ночуют чужие люди, дед и старушка, – это странники, пешком передвигающиеся от одного поселения к другому в поисках пропитания. В нашем поселке они останавливаются

у нас. Мама разместила стариков в детской. Мы не спим, слушаем сказки, которые по очереди рассказывают старые люди. В доме тепло и уютно, но вместе с тем как-то непривычно, таинственно и немного страшновато находиться рядом с чужими людьми, хотя от них исходит только добро.

Старшая сестра Татьяна сидит в гостиной на открытом окне, смотрящем на главную улицу нашего поселка, и поет, наигрывая на гитаре. Люди проходят мимо, притормаживают, слушают ее песню и приветливо улыбаются. Я люблю и восхищаюсь своей сестрой. Она мне кажется самой красивой в поселке – хочу походить на нее.

Татьяна ломает позвоночник, находясь на практике в городке Волчанке.

Мама едет за ней, привозит ее домой в белом гипсовом корсете. Мне страшно и очень ее жалко, я рыдаю.

Вечер. Михаил, старший брат, катает меня по поселку на санках. Небо усыпано яркими звездами. Лежу на санках и сморю на огромное звездное небо. Меня охватывает восторг! Это чувство восторга я потом часто испытывала, будучи взрослой, глядя на звездное небо, которое как-то необыкновенно соединяло меня с детством и этим вечером. Подобное чувство восторга, только ярче и сильнее, испытала я в 55 лет, прыгнув с парашютом с высоты 4000 метров. Небо меня всегда манило и волновало.

Братья под кроватью играют в войну. У каждого целая армия солдат из пластилина, оружия, какие-то преграды, сооружения. Очень интересно, но меня мальчишки под кровать не пускают, поэтому лежу рядом с кроватью и наблюдаю со стороны за их боевыми маневрами. Как же жаль, что я родилась девочкой!

1962 год

Вечер. Отец учит меня читать по букварю. У него хорошее настроение, потому что у нас хорошо все получается. Мама шьет и улыбается, наблюдая за нами, ей нравится, что отец возится со мной. Папа, видимо, чувствует себя талантливым педагогом.

Скоро Новый год! Скоро будут подарки: шоколадные конфеты и мандарины! Запах мандаринов, наверное, у всего моего поколения связан с Новым годом. Это были редкие фрукты, но на Новый год каждая семья как-то умудрялась их приобрести. Наши родители тоже в Новый год баловали нас чудесными мандаринами – я их просто обожала.

Но главное – это подготовка к новогоднему карнавалу, которая начиналась задолго.

Мама и отец заняты изготовлением новогодних костюмов для своих четверых детей. Андрей будет в роли Петуха, Михаил – в роли Звездочета, я – Ночка, Катя – Снежинка. Мама шьет, отец клеит маски из папье-маше, мы рядом с родителями в роли подмастерьев. В доме пахнет клеем, комната завалена разными материалами: тканью, лентами, картоном, мишурой... Мы, дети, больше создаем суету, чем помогаем родителям, но всем весело, никто никого не одергивает и не понукает. Наши костюмы были всегда одними из самых лучших. Как правило, мы забирали на своих карнавалах первые призы.

Играем на улице в снежных лабиринтах, которые соорудили мальчишки в огромных сугробах. Я застреваю в одном из них, не хватает дыхания, крика почти не слышно, не могу повернуться, накатывает жуткий страх. Наверное, там я и получила эту клаустрофобию. Кто-то из мальчишек разрывает сверху сугроб, меня вытаскивают. Больше никогда не лазила в снежные лабиринты и до сих пор боюсь замкнутого пространства.

Во время прогулки убегаю из детского садика домой. Дома никого нет. Одиноко брожу по почти безлюдному поселку. Меня встречает водовоз, развозящий воду по дворам на своей кобылке и знающий всех ребят в поселке. Он отвозит беглянку к маме на работу. Мама меня не ругает, но смотрит с удивлением, а потом дает разбирать маленькие кусочки ткани. Женщины работают и все тихонько поют – уютно, хорошо.

Прихожу к соседям. Там соседка, ученица класса восьмого, читает наизусть «Бородино» Лермонтова. Стихотворение длинное, сложное, но меня захватывает. Восхищаюсь девушкой и хочу тут же начать учить это стихотворение наизусть!

Воскресенье. Солнечное утро. По радио идет любимая передача всей семьи «С добрым утром». Мы с младшей сестренкой Катюшей, наслаждаясь свободой, прыгаем на кровати родителей, как на батуте, зарываемся в огромных пуховых подушках. Нам очень весело. Кто-то кричит: «Райкин говорит!» И гостиная заполняется родственниками от мала до велика. Все слушают радио, смеются. Мы с сестренкой сидим на горе подушек, смотрим на присутствующих – наше веселье закончилось.

1 Мая. Братья на плотях, смастеренных из дверцы от старых калиток, катаются в котловане (залитые водой отработанные угольные разрезы). Прошу Михаила меня прокатить на «плоту». Он после долгих моих просьб и нытья соглашается, берет на «борт» и отплывает от берега. Мне становится сразу же страшно, кричу и двигаюсь к нему. Брат просто орет, чтобы я сидела на месте, но уже поздно – мы переворачиваемся и идем ко дну! В воде у меня глаза широко открыты, и я вижу, что Михаил плывет наверх, цепляюсь за его штанину. Потом выясняется, что старший братишка Андрей бросился в воду к нам с палкой, за которую и уцепился Михаил, а я – за Михаила. Подбежали пожарные и забрали нас в свою часть, находившуюся рядом.

Но кто-то из детей успел сообщить нашим родителям: «Ваши Мишка с Зинкой утопли!» Бедные родители неслись к карьеру сломя голову. Мы с Михаилом струхнули, что нам сейчас достанется, но мама с отцом, увидев своих детей живыми и невредимыми, начали обнимать и целовать нас. Отец посадил меня на плечи, мама за руку взяла Михаила, Андрей шел чуть впереди, совсем не чувствуя себя героем, – все двинулись домой, где всех напоили парным молоком и накормили вкусными мамиными пирогами, посадили на печь отогреться. А потом отец показывал нам диафильм «Пьяная вишня» про смешных гусей, наевшихся пьяной вишни. Все дружно смеялись. Было тепло, уютно и покойно!

Родители на сенокосе целый день. Дети оставлены дома на попечение старшей сестры, которой не до нас.

Верхний ряд: я на фоне родного дома, поселок Воронцовск, улица 8 Марта, дом 10.

Нижний ряд (слева направо): роддом, где родилась я, все мои братья и младшая сестренка; я на фоне школы, которую построила бригада моего отца и в которую я пошла первый раз в первый класс.

Все играют в «дом»: я – «жена», у меня есть «муж и дети». «Муж» работает на «шахте», приносит «деньги», я в магазине покупаю «продукты»: хлеб – камушки, масло – землю, молоко – воду... Прибираю «квартиру» – участок земли у нашего забора, огороженный палочками, куда для уюта принесены разные вещички из дома.

Уходим с подругами в настоящий магазин. Возвращаемся назад – к нам бегут ребята и сообщают, что мой брат Михаил повис на электрических проводах. Бежим к дому. Брат лежит во дворе с раскинутыми в стороны руками, вокруг ребята и взрослый дядька, который, собственно, и спас его, ударив по электрическим проводам граблями. Миша приходит на наших глазах в сознание. Оказывается, он проверял наличие тока в проводах над крышей дома. Сначала взялся одной рукой за один провод и сообщил всем, что тока нет, а потом взялся второй рукой, и тут-то его начало просто колбасить на проводах. На его счастье, проходил мимо мужчина, который не растерялся и перебил провода деревянными граблями, которые случайно оказались с ним – видимо, он шел с сенокоса.

Вечером пришли родители с покоса, принесли пайвы с лесными ягодами и грибами. Не помню, кто и как рассказал им о ЧП с Михаилом.

На берегу реки Каквы идет народное гулянье в честь какого-то праздника. Мы с отцом едем на мотоцикле, я сижу на высоком сиденье позади него, прижавшись к его спине. Едем быстро, ветер развевает мою юбочку и волосы, я чувствую себя взрослой. На берегу реки много людей. Отец ищет маму, приехавшую сюда с коллегами на автобусе. Все здороваются с отцом: кто за руку, кто кивком, кто просто приветствует дружеской улыбкой. Некоторые подходят, заговаривают с отцом, и почти все отмечают, что я выросла и сильно похожу на отца. Мне радостно, я не хочу отпускать руку папы!

Отец, старший брат Андрей и я на реке Какве.

Мама ставит меня в длинную и многолюдную очередь около магазина и убегает на какое-то время на работу. Мне кажется, что ее нет вечно! Стою, чуть не плача, чувствуя себя сиротой. Это очередь за хлебом и мукой...

Братья в отсутствие родителей залили огород водой между борозд с картошкой и устроили среди местной детворы соревнования по плаванию. Желающих было много. Все ребятки в грязи по уши, но счастливые плавали по картошке, которая вся оказалась на поверхности земли. Какой в этот год был урожай картофеля – не помню.

Первые похороны. Умер мужчина, наш сосед, совсем еще, видимо, молодой. Собралось много народу. Многие плачут, особенно убивается его жена. Подхожу близко к гробу, внимательно смотрю на покойника и не узнаю в нем нашего соседа. Ночью долго не могу заснуть. После этих похорон мы, ребяташки, долго в это лето играли в похороны. Кого только не хоронили! Зарывали своих кукол, плакали, а потом снова откапывали их.

Потом произошла где-то авария, погибло несколько человек, живущих далеко от нас, но несли всех на кладбище мимо нашего дома по центральной улице, поэтому из окна я видела эти похоронные процессии. Было страшно.

Точно не помню, в какой год, но, кажется, что в это лето. Родители уехали в гости к брату мамы на Волгу. Дома мы разбили нечаянно ртутный градусник. Все с увлечением играем ртутью, которая то разбегается, то соединяется в один большой шарик – интересно!..

Бабушка ведет меня в кино. Мне она кажется очень строгой. Не испытываю восторга от этого похода, но подчиняюсь ее воле. Неожиданно фильм оказывается комедией, в которой снялись два известных, даже мне, комика: Тарапунька и Штепсель. Фильм назывался, кажется, «Ехали мы, ехали». Я быстро забыла о бабушке и смеялась почти весь фильм, впрочем, бабушка, хоть и редко, но смеялась тоже.

Татьяна поздно возвращается домой с очередного свидания. Возбужденно рассказывает мальчишкам о своем парне, о том, как он ее любит, какие цветы он ей подарил и какие слова ей говорил. Не сплю, слушаю ее, мое воображение рисует картины ее свидания. Я счастлива за сестру.

На улице еще по-летнему тепло, но осень уже вступила в свои права, окрасив все в желто-оранжево-красные тона. Вся семья на огороде. Убираем ботву, жжем костер. Приятно пахнет дымом. Мы, дети, на костре жарим картошку на палочках и запускаем в небо оставшиеся плоды картофеля – зеленые ягоды, насаживая их на гусиные перья.

Мама от швейной мастерской повезла свою коллекцию детской одежды на выставку в Краснотурьинск – районный городок. Катя, младшая сестренка, – модель, я – болельщик и зритель. Катюха покоряет публику своей красотой и костюмчиком песочного цвета в черный горошек. Ей, идущей уверенно по подиуму, все бурно аплодируют. Мне радостно за маму и сестренку. Я гордо заявляю сидящей возле меня в зале тетеньке: «Это моя сестра!» Она мне кивает и еще сильнее аплодирует. Зависти у меня нет – только гордость переполняет меня до краев.

Вечер. Лежу на сеновале. Мама доит корову Зорьку, отец прибирает в сарае. С танцплощадки поселка доносится музыка. Отчетливо слышу слова песни «Куба, любовь моя!». Слово «Куба» мне очень нравится, начинаю повторять: «Куба, любовь моя!». Песня манит каким-то новым ощущением, хочется встать и куда-то бежать. Съезжаю на попе с сеновала, но мама забирает меня домой – пора ложиться спать.

Семья в гостях в Краснотурьинске у друзей родителей. Мы с братом и еще с двумя детьми катаемся на санках с крутой горки. Михаил наезжает на мои санки и ломает мне мизинец на левой руке. Я громко реву. Он уговаривает меня не говорить родителям о происшествии. Вечером дома мне становится хуже, с ревом рассказываю маме про палец. Ведут к врачу, накладывают шов и тугую повязку. Михаил обижен – не разговаривает. А палец мой так и остался калекой – не сгибается до сих пор.

1963 год

Я ночую у бабушки. Она ходит по своему небольшому домику и крестит все окна на ночь, шепча себе под нос молитву.

Мне страшно, забиваюсь под толстое одеяло и представляю себя камнем – камень никто не тронет. К камням у меня в детстве было какое-то особое отношение. Могла долго их

рассматривать, просто гладить, даже коллекционировала разные камушки. Гуляя и встречая на дороге одиноко валяющийся камень, обязательно его поднимала и находила для него «друга» или «семью».

Вечером сидим с бабушкой за столом. Она прядет пряжу на своей старенькой деревянной прялке, а я ей читаю «Судьбу человека» Шолохова. Плачем вместе. Плачу навзрыд, паузы между чтением большие, часть слов бабушка не разбирает и просит меня повторять заново...

Утро. Просыпаюсь от тошноты и сильной головной боли. Начинается рвота. Чувствую себя очень плохо. Вся семья угорела – рано закрыли заслонку в печи. Все болеют целый день. К вечеру всем становится лучше.

«Свинка» – паротит, болезнь, которая нам, детям, доставляла радость, потому что отец приносил стуженное молоко и даже мандарины. Нравилось лечиться лампой, от которой шел синий свет. О тяжелом последствии этой болезни никто из нас не догадывался.

Пришла на работу к отцу. Он с бригадой строит кому-то дом. Пахнет деревом и свежей стружкой. Несколько колечек стружечки висят в кудрях отца. За ухом у него лежит химический карандаш. Отец самый красивый и веселый. Я его люблю и горжусь им.

Мама закончила доить корову Зорьку, перелила молоко в глиняные кувшины, дала корм домашней скотине (корове, теленку, поросенку, курам), а отца все нет с работы.

Мама берет меня за руку, и мы идем на площадь поселка, где находится пивная. Отец сидит с друзьями. Все веселые, а дым от папирос стоит такой, что хоть топор вешай, все громко о чем-то разговаривают, спорят. Отец видит нас, расплывается в улыбке, но мама, не говоря ни слова, разворачивается и выходит из пивной. На площади отец нас догоняет.

Мы идем домой. Родители не разговаривают. Мне хочется плакать, но я креплюсь. Дома вижу у мамы слезы, начинаю рыдать навзрыд. Отец хочет взять меня на руки, но я не иду к нему. Он – чужой!

1 Мая. На площади поселка демонстрация прошла очень быстро, но народ не расходится. Все возбуждены. Мы с Михаилом ждем, когда уже отец наговорится с каким-то человеком и купит обещанное мороженое!

Наконец, мы уплетаем мороженое из бумажных стаканчиков специальными деревянными палочками. Мороженое тает во рту, оставляя приятную прохладу. Спорим с братом, кто может больше съесть стаканчиков мороженого. Я уверяю, что могла бы съесть таких стаканчиков штук сто. Михаил готов съесть все мороженое, которое сейчас продает продавец. Отец покупает нам еще по одному мороженому, и мы счастливые и довольные идем домой.

Пришла в гости к друзьям – многодетной семье Комзоловых. В доме все просто: деревянные скамьи, большущий деревянный стол, вместо кроватей полати. Под потолком висят прутья. Узнаю, что эти прутья – розги – используются для наказания детей. Я в шоке: нас никто никогда и ни за что дома не бьет!

Лежу на пологой деревянной крыше дома Комзоловых, на которую свисает черемуха с большими спелыми ягодами. Читаю «Трех мушкетеров» Дюма и поедаю черемуху. Наедаюсь ею до оскомины так, что языком трудно шевелить. До сих пор у меня «Три мушкетера» ассоциируются с черемухой.

Я за мальчишками залажу на крышу соседского дома. Лезу с трудом, но не отступаю – братья подбадривают. Спускаться страшно! Все уже на земле и кричат, чтобы я спускалась. У меня отказывают ноги от страха, не понимаю, как сюда залезла! Кто-то стал кричать, чтобы я прыгнула с крыши на грядку – низко. Набираюсь храбрости, закрываю глаза и прыгаю. Очнулась на земле, а вокруг стоят ребята, кто-то поливает на меня воду, другой проверяет мои кости... Цела! Какое счастье – я жива!

Одна из любимых игр детства – «Казаки-разбойники». В этой игре главную роль играли старшие ребята, а мы, младшие, были просто «до кучи». Но мне нравилось бегать от «казаков»,

оставлять стрелки мелом на тротуарах, домах, дорогах, прятать клад, прятаться самой. Как правило, нас, малышей, «казаки» не пытали, да нам старшие и пароля-то не доверяли.

1 сентября. Иду с мамой по деревянному тротуару с благоухающим букетом георгинов, на мне коричневое платье и красивый белоснежный фартук, сшитые мамиными заботливыми руками, на голове огромный белый бант. Я иду первый раз в первый класс! Вокруг много нарядных детей. У меня приподнятое настроение, хотя чего-то боюсь и не отпускаю мамину руку.

На уроке чтения рассматриваю картинку в букваре: Москва, утро, едут машины и поливают улицу столицы. Мне удивительно: у нас в поселке никто не поливает улицу. Вдруг учительница просит меня продолжить чтение, я лихорадочно ищу строчку и не могу найти – накалывает страх!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.